

**Старина и новизна. Исторический сборник,
издаваемый при обществе ревнителей
русского исторического просвещения в
память императора Александра III**

Том 5

УДК 304
ББК 60.5
С75

С75   Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III: Том 5 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 330 с.

ISBN 978-5-458-02037-4

Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III.

ISBN 978-5-458-02037-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Въ числѣ неизданныхъ писемъ А. С. Пушкина къ князю П. А. Вяземскому, хранящихся въ Остафьевскомъ Архивѣ, имѣется одно, въ которомъ Пушкинъ отрицаетъ приписываемое ему авторство *Гаврилады*. Въ этомъ письмѣ (отъ 1-го сентября 1828 года) Пушкинъ писалъ: „Мнѣ навязалась на шею преглупая шутка. До Правительства дошла, наконецъ, Гаврилада; приписываютъ ее мнѣ; донесли на меня и я, вѣроятно, отвѣчу за чужія проказы, если *** не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собствен- ность... Все это невесело“...

Изъ архивныхъ бумагъ, сообщенныхъ княземъ Петромъ Дми- тріевичемъ Святополкъ-Мирскимъ, мы узнаемъ, что дѣло о *Гаври- лады* возникло, въ 1828 году, по слѣдующему случаю: вѣрност- ные люди отставного штабсъ-капитана Митькова, какъ свидѣтель- ствуетъ статсъ-секретарь Николай Назарьевичъ Муравьевъ*), „при- несли къ Высокопреосвященному Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Серафиму прошеніе, что господина ихъ возвра- щаетъ ихъ въ понятіяхъ Православной, ими исповѣдуемой, Хри- стианской вѣры, прочитывая имъ изъ книги его рукописи нѣкое развратное сочиненіе подъ заглавіемъ *Гаврилада*, и представили Высокопреосвященному Митрополиту и ту самую книгу“.

Но такъ какъ *Гаврилада* приписывалась Пушкину, то по Высочайшему повелѣнію учреждена Коммиссія, въ которую вошли: графъ В. П. Кочубей, графъ П. А. Толстой и князь А. Н. Голицынъ.

Коммиссія въ засѣданіи своемъ, 25-го іюля 1828 года, опре- дѣлила: „С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору при- звать Пушкина къ себѣ и спросить: а) имъ ли написана поэма Гаврилада? б) Въ которомъ году? в) Имѣетъ ли онъ у себя оную, и если имѣетъ, то потребовать, чтобы онъ вручилъ ему свой экземпляръ. г) Обязать Пушкина подпискою впредь подобныхъ бого- хульныхъ сочиненій не писать, — подъ опасеніемъ строгаго наказанія“.

С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, исполнивъ это порученіе, въ августѣ 1828 года донесъ Коммиссіи, что Пуш-

*) Въ письмѣ къ графу П. А. Толстому, отъ 29-го іюня 1828 года.

кинъ въ допросѣ о поэмѣ, извѣстной подъ именемъ *Гавриіады*, рѣшительно отвѣчалъ:

„Что сія поэма писана не имъ, что онъ въ первый разъ видѣлъ ее въ Лицѣ, въ 1815 или въ 1816 году, и переписалъ ее, но не помнитъ, куда дѣвалъ сей списокъ, и что съ того времени онъ не видалъ его“.

О показаніи Пушкина Коммиссіею было доложено Императору Николаю I, и 12-го августа 1828 года Н. Н. Муравьевъ писалъ графу П. А. Толстому: „Государь соизволилъ, чтобы вы поручили военному генераль-губернатору, дабы онъ, призвавъ снова чиновника X-го класса Пушкина, спросилъ у него, отъ кого получилъ онъ въ 15-мъ или 16-мъ году, какъ то объявилъ, находясь въ Лицѣ, упомянутую поэму, изъяснивъ, что открытіе автора уничтожить всякое сомнѣніе по поводу обращающихся экземпляровъ сего сочиненія подъ именемъ Пушкина; о послѣдующемъ же донести Его Величеству“.

Во исполненіе воли Высочайшей, С.-Петербургскій военный генераль-губернаторъ, 20-го августа 1828 года, представилъ графу П. А. Толстому слѣдующій рапортъ: „Извѣстный стихотворецъ Пушкинъ былъ призванъ ко мнѣ и вопрошаемъ: отъ кого получилъ извѣстную поэму?—Я поставилъ ему при томъ на видъ, что открытіе сочинителя поэмы сей уничтожить всякое о немъ сомнѣніе. Пушкинъ вслѣдствіе того изложилъ (*собственноручно*) слѣдующее показаніе:

„1828 года, августа 19-го, нижеподписавшійся X-го класса Александръ Пушкинъ, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго Г. Главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ, бывъ призванъ въ С.-Петербургскому военному генераль-губернатору, спрашиванъ, отъ кого именно получилъ поэму подъ заглавіемъ *Гавриіады*, показалъ:

„Рукопись ходила между офицерами Гусарскаго полку, но отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомяну. Мой же списокъ сжегъ я, вѣроятно, въ 20-мъ году“ *).

*) Этотъ собственноручный списокъ былъ доставленъ Пушкинымъ князю П. А. Вяземскому, который, 10-го декабря 1822 года, изъ Остафьева писалъ А. И. Тургеневу: „Пушкинъ прислалъ мнѣ одну свою прекрасную шалость“. (*Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціею и съ примѣчаніями В. И. Сантова. Спб. 1899. II, 287).

„Осмѣливаюсь прибавить, что ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже изъ тѣхъ, въ коихъ я особенно расказываюсь, нѣтъ слѣдовъ духа безвѣрія или кощунства надъ религіею. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ произведеніе столь жалкое и постыдное.

10-го класса Александръ Пушкинъ“.

Показаніе Пушкина было представлено Коммиссіею Государю 28-го августа 1828 года, при запискѣ, на которой Государю благоугодно было начертать слѣдующія достопамятныя слова:

„Г. Толстому призвать Пушкина къ себѣ и сказать ему моимъ именемъ, что, зная лично Пушкина, я его слову вѣрю. Но желаю, чтобъ онъ помогъ Правительству открыть, кто могъ сочинить подобную мерзость и обидѣть Пушкина, выпуская оную подъ его именемъ“.

Графъ П. А. Толстой, исполняя волю Государя, призвавъ къ себѣ Пушкина, потребовалъ отъ него, чтобы онъ, „видя такое къ себѣ благоснисхожденіе Его Величества, не отговаривался отъ объявленія истины, и что Пушкинъ, по довольномъ молчаніи и размышленіи, спрашивалъ: позволено ли будетъ ему написать прямо Государю Императору и, получивъ на сіе удовлетворительный отвѣтъ, тутъ же написалъ Его Величеству письмо и, запечатавъ оное, вручилъ Графу Толстому“.

Коммиссія опредѣлила: *не раскрывая письма сего, представить оное Его Величеству.*

Въ *Русскомъ Архивѣ* за 1879 годъ напечатано отвѣтное письмо князя П. А. Вяземскаго на письмо Пушкина, отъ 1-го сентября 1828 года, но въ сожалѣнію съ пропусками. „Сердечно жалѣю“, пишетъ князь Вяземскій, „о твоихъ хлопотахъ по поводу *Гавриила*, но надѣюсь, что послѣдствій худыхъ не будетъ . . .“ (№ 8, стр. 481).

Несомнѣнно, что эти „хлопоты“, сопряженныя съ шатаніемъ по разнымъ канцеляріямъ, въ качествѣ неблагонамѣреннаго стихотворца и чиновника X-го класса, и самый тонъ допросовъ глубоко оскорбляли и огорчали Пушкина, настроивъ его на грустный ладъ, что и выразилось въ извѣстномъ его стихотвореніи, написанномъ именно въ 1828 году:

Снова тучи надо мною
 Собралися въ тишинѣ.
 Рокъ завистливый бѣдою
 Угрожаетъ снова мнѣ..
 Сохраню-ль къ судьбѣ презрѣнье?
 Понесу-ль на встрѣчу ей
 Непреклонность и терпѣнье
 Гордой юности моей?
 Бурной жизнью утомленный,
 Равнодушно бури жду;
 Можетъ быть, еще спасенный
 Снова пристань я найду... и пр.

По окончаніи этого печальнаго процесса, Пушкинъ уѣхалъ въ Тверскую деревню Маленники.

Въ Остафьевскомъ Архивѣ сохранилась подорожная его, отъ 19-го октября 1828 года, подписанная столь знакомымъ ему С.-Петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, въ которой прописано: „По указу и проч. Отъ С.-Петербурга до Торжка *воспитаннику Императорскаго Царскосельскаго Лицея Александру Пушкину* съ будущимъ изъ почтовыхъ давать по три лошади съ проводникомъ, за указные прогоны, безъ задержанія“.

Въ тотъ же день Пушкинъ праздновалъ Лицейскую годовщину.

Усердно помолвившись Богу,
 Лицею прокричавъ ура,
 Прощайте, братцы! Мнѣ въ дорогу,
 А вамъ въ постель уже пора.

II.

Пушкинъ, желая сохранить любезныя черты своего друга— Барона Анто́на Антоновича Дельвига, прежде всего сталъ заботиться о написаніи его біографіи и по этому поводу писалъ Плетневу:

„Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига, мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями... Я зналъ его въ Лицеѣ, былъ свидѣтелемъ перваго незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому не отдали мы еще должной справедли-

вості. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго, съ нимъ толковалъ обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томить. Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами“.

Но всѣ эти благія намѣренія ограничились *Некрологіею барона Дельвига*, написанною Плетневымъ, который о ней писалъ Пушкину: „когда я собирался писать некрологію Дельвига, сердце мое было сжато. Все, что употребили враги его для очищенія своихъ гнусностей, такъ меня тягчило и мучило, что я рѣшился передъ публикою говорить языкомъ челоуѣка посторонняго въ этомъ дѣлѣ, страхась, чтобы мерзавцы не воспользовались для достиженія своей цѣли самою святынею дружества. Они, какъ я предчувствовалъ, готовы были даже и то обратить въ уворизну покойному, что никто о немъ ни слова не сказалъ языкомъ безпристрастнымъ. Вотъ почему я говорилъ безъ всякаго энтузіазма“.

„Дельвига звалъ я мало“, писалъ князь П. А. Вяземскій,— „болѣе зналъ его по Пушкину, который нѣжно любилъ его и уважалъ. Впрочемъ, не было мнѣ и случая короче сблизиться съ нимъ. Онъ постоянно жилъ въ Петербургѣ, а постоянно жилъ въ Москвѣ. Однажды имѣлъ я возможность оцѣнить его и понялъ нѣжное сочувствіе къ нему Пушкина. Мы случайно провели съ нимъ съ глазу на глазъ около трехъ часовъ. Мы ѣздили къ общему знакомому нашему обѣдать на дачу, верстъ за пятнадцать отъ Петербурга. Въ эту поѣздку рѣчь наша какъ-то коснулась смерти. Я удивился, съ какою ясною и спокойною философіею говорилъ онъ о ней: казалось, онъ ея ожидалъ. Въ словахъ его было какое-то предчувствіе, чуждое отвращенія и страха; напротивъ, отзывалось чувство не только покорное, но благопривѣтливое. Для меня, по крайней мѣрѣ, этотъ разговоръ былъ лебединая пѣсня Дельвига; я выѣхалъ изъ Петербурга и болѣе не видалъ его, а онъ скоро затѣмъ умеръ“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*, Спб. 1890, III, 248—249).

III.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій родился 19 февраля 1800 года въ селѣ Вяжлѣ, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда. Село это пожаловано отцу его генераль-адъютанту Абраму Андреевичу Императоромъ Павломъ.

Родной племянникъ Е. А. Баратынскаго, Сергѣй Александровичъ Рачинскій, писалъ мнѣ (изъ Татова, 9 мая 1901 г.): „Императору Павлу я обязанъ вѣчною благодарностію. Онъ былъ благодѣтелемъ обоимъ моимъ дѣдовъ, Рачинскаго и Баратынскаго, крестилъ моего отца. Только благодаря ему существуютъ всѣ мои школы. Для его памяти я сдѣлалъ, что могъ, издавъ его письма къ Нелидовой (*XVIII стлѣт*), перевелъ записки Саблукова“.

Баратынскій любилъ деревню и даже предпочиталъ сельскій бытъ городскому. Кто не знаетъ его *Родины*?

Судьбой положенныя цѣпи
Упали съ рукъ моихъ, и вновь
Я вижу васъ родныя степи,
Моя начальная любовь.
Степного неба сводъ желанный,
Степного воздуха струи . . .
Но мнѣ увидѣть было слаще
Лѣсъ на покатыя холмовъ,
И скромный домъ въ садовой чащѣ —
Пріютъ младенческихъ годовъ.
Промчалось ты, влатое время!
Съ тѣхъ поръ по свѣту я бродилъ
И наблюдалъ людское племя
И, наблюдая, воскорбѣлъ.

Б. Н. Чичеринъ, знавшій съ дѣтства Евгенія Абрамовича Баратынскаго, какъ родственника и сосѣда по Кирсановскому имѣнію своихъ родителей, Караулу, въ своихъ драгоценныхъ *Воспоминаніяхъ* пишетъ: „Е. А. Баратынскій былъ человѣкъ высокаго ума и образованія и еще болѣе возвышенныхъ нравственныхъ свойствъ; всегдашній судья всѣхъ семейныхъ недоразумѣній, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ очаровательный собесѣдникъ. Его умъ, и тонкій и глубокий, всегда согрѣтый теплымъ чувствомъ и украшенный поэзіей, дѣлалъ его удивительно привлекательнымъ. Въ дружеской бесѣдѣ,

особенно за бокаломъ вина, онъ любилъ наливать всю свою душу". (*Русскій Архивъ*, 1890, № 4, стр. 508).

„Чѣмъ болѣе вижу съ Баратынскимъ“, писалъ князь П. А. Вяземскій къ А. И. Тургеневу, „тѣмъ болѣе люблю его за чувства, за умъ, удивительно тонкій и глубокій, раздробительный. Возьми его врасплохъ, какъ хочешь: вездѣ и всегда найдешь его съ новою своею мыслию, съ собственнымъ возрѣніемъ на предметъ“. (*Остафьевскій Архивъ Князей Вяземскихъ*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Сантова. Спб., 1899. III, 179).

Двадцать пять лѣтъ спустя по кончинѣ Е. А. Баратынскаго, въ Москвѣ, въ 1869 году, вышло въ свѣтъ его *Собраніе Сочиненій*. Это *Собраніе* дало поводъ старому другу его Князю П. А. Вяземскому написать слѣдующее: „Карамзинъ говорилъ, что въ молодости любилъ онъ иногда изъ многолюднаго и блестящаго собранія, съ бала, изъ театра прямо ѣхать за городъ, въ лѣсъ, въ уединенное мѣсто. Послѣ смутныхъ и тревожныхъ ощущеній свѣтскихъ, находилъ онъ въ окрестной тишинѣ, въ величавой обстановкѣ природы, въ свѣжести и умиротворительности впечатлѣній особенную и глубоко объемлющую душу прелесть. Подобнаго рода наслажденіе испыталъ я, исключительно предавшись на дняхъ чтенію Баратынскаго, котораго *Собраніе Сочиненій* появилось на дняхъ въ печати. Я тоже, такъ сказать, бѣжалъ изъ напыва волнъ текущей словесности, и я готовъ былъ сказать съ Дмитриевымъ:

Примите, древнія дубравы,
Подъ тѣнь свою питомца музъ!

И въ самомъ дѣлѣ, въ наши дни для многихъ поэзія Баратынскаго „древняя дубрава“, но только не многимъ придетъ охота углубиться въ ея тѣнь.... Баратынскій и при жизни, и въ самую пору поэтической своей дѣятельности, не вполнѣ пользовался сочувствіемъ и уваженіемъ, которыхъ былъ онъ достоинъ. Его заслонялъ собою и, такъ сказать, давилъ Пушкинъ, хотя они и были пріятелями и послѣдній высоко цѣнилъ дарованіе его. Впрочемъ, отчасти вездѣ, а особенно у насъ, всеобщее мнѣніе такую узкую тропинку пробиваетъ успѣху, что рядомъ двумъ, не только тремъ

или болѣе, никакъ пройти нельзя. Мы прочищаемъ дорогу кумиру своему, несемъ его на плечахъ, а другихъ и знать не хотимъ, если и знаемъ, то развѣ для того, чтобы сбивать ихъ съ ногъ справа и слѣва и давать кумиру идти, попирая ихъ ногами. Глядя на этихъ поклонниковъ единицы, можно бы заключить, что природа напрасно такъ богато, такъ роскошно разнообразила дары свои.

Кумиры у насъ не долговѣчны. Поголота ихъ скоро линяетъ. Набожность поклонниковъ остываетъ. Уже строится новое капище для водворенія новаго кумира...“ (*Полное Собрание Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб., 1882, № VII, 268—269*).

IV.

Имя Петра Александровича Плетнева останется навсегда памятнымъ и любезнымъ въ исторіи Русской Литературы.

Ему посвятилъ Пушкинъ своего *Евгенія Оныгина*.

Не мисля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть—рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Бессонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Ему же писалъ Майковъ:

За стаяю орловъ двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
Доселѣ памятни у Русскаго народа.

Изъ стан ихъ теперь одинъ остался ты,
 И грустный между насъ, задумчивый ты бродилъ;
 И прежнихъ звуковъ полнь, все взора съ высоты,
 Куда тѣ лебеди умчались, не сводишь.

Его же *памяти* князь П. А. Вяземскій посвятилъ слѣдующія драгоцѣнныя строки: „Пріятельскія наши съ нимъ сношенія начались давно. Я встрѣтился съ нимъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ средѣ намъ равно сочувственной и близкой. Плетневъ былъ уже тогда пріателемъ Жуковскаго и другомъ Пушкина, Дельвига, Баратынскаго. Эти связи его тотъ-же часъ породнили съ нимъ и меня. Я скоро полюбилъ и оцѣнилъ въ немъ все, что было лично и самобытною собственностью его самого. Чистое сердце, свѣтлый и спокойный умъ, безкорыстная, беспредѣльная, теплая преданность друзьямъ, нравъ кроткій, мягкій и уживчивый, добросовѣстное, не по расчетамъ, не въ виду житейскихъ выгодъ и въ чаяніи блестящихъ успѣховъ, но по призванію, но по святой любви, служеніе литературѣ, изящный и вѣрный вкусъ, съ которымъ любили справляться и совѣтоваться Баратынскій и самъ Пушкинъ, — всѣ эти качества, всѣ эти счастливые дары природы, развитые и возмелѣянные жизнью стройною и сосредоточенною въ однихъ мирныхъ занятіяхъ и наслажденіяхъ скромнаго и постояннаго труда, — все это давало Плетневу особенное значеніе и почетное мѣсто въ обществѣ нашемъ. Равно пріобрѣлъ онъ это мѣсто и удержалъ его за собою до конца долговременной жизни своей. Новыя явленія, новыя потребности жизни и перевороты въ литературѣ не сдвинули его съ той ступени, на которой онъ твердо и добросовѣстно сталъ однажды навсегда. Къ первоначальнымъ товарищамъ и единомышленникамъ его постепенно примыкали и новыя пришельцы, отмѣченные печатью истиннаго дарованія. Въ числѣ ихъ достаточно упомянуть одно имя Гоголя.

По трудамъ своимъ, по свойству дарованія своего и по своей натурѣ безстрастной и обреченной, такъ сказать, на плавное, а не порывистое движеніе, онъ никогда не искалъ и не могъ искать быть любимцемъ большинства; не хотѣлъ и не могъ дѣйствовать на публику, то есть на толпу, самовластно и полномочно. Заслуги, оказанныя имъ литературѣ, не кидаются въ глаза съ перваго раза.

Но онѣ отыщутся и по достоинству оцѣнятся при позднѣйшей разработкѣ и приведеніи въ порядокъ и ясность дѣйствій и явленій современной ему литературной эпохи. Въ общей человѣческой жизни, на всѣхъ ея поприщахъ, встрѣчаются не передовые, а такъ сказать *пассивные* дѣятели, мало замѣтные для проходящихъ, но которыхъ вліяніе переживаетъ иногда шумныя и наступательныя дѣйствія болѣе отважныхъ подвижниковъ.

Съ Плетневымъ лишился я послѣдняго собесѣдника *о дѣлахъ минувшаго мѣсяца*... Уже некому при случаѣ сказать: *а помните ли?* и проч... На подобный вопросъ отвѣта нѣтъ... Никто не помнитъ того, что я помню, что мнѣ такъ памятно, что такъ еще присуще, живо и свѣжо старой памяти моей, пережившей, такъ сказать, цѣлые вѣка, цѣлый міръ лицъ и былей, сроднившихся съ жизнью моей, вошедшихъ въ нее и въ мое минувшее принадлежностью нераздѣльною и неотъемлемою. Теперь помню одинъ. Теперь я одинъ съ глазу на глазъ съ памятью моею... Монологи скучны въ драмѣ и въ дѣйствительности. Для оживленія дѣйствія и рѣчи нужно имѣть передъ собою соучастника, готоваго откликнуться на мысль нашу, на воспоминаніе наше... Такъ, послѣ смерти Пушкина и Жуковскаго, переключались мы съ Плетневымъ самъ другъ и келейно... Чѣмъ братскій кругъ становится малолюднѣе, тѣмъ жизнь и память минувшаго становится дороже и обязательнѣе. Въ года усиленнаго движенія и избытка жизни еще возможны минутныя недоразумѣнія. Но въ старости и самыя разнорѣчія смягчаются и сглаживаются. А общія сочувствія и точки соприкосновенія съ каждымъ днемъ сильнѣе и глубже означаются. Въ старости ищешь не того, что особляетъ, а того, что обобщаетъ. Предчувствуешь, что времени уже мало впереди. Ратовать некогда да, сдается, и не для чего". (*Утро*. Изд. М. Погодинымъ. М. 1866, стр. 153—157).

Николай Варсуковъ.

14 Іюля 1901 г.
С.-Петербургъ.